

А. Х. Гирфанова

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В УДЭГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Грамматическая справка

Удэгейский язык — один из тунгусо-маньчжурских языков, на котором говорят в некоторых селах Хабаровского и Приморского краев. По официальным данным, число удэгейцев достигает 2 тыс. человек, из них, согласно экспедиционным наблюдениям, в той или иной степени языком владеют не более 50 человек.

Типологически удэгейский язык относится к языкам агглютинативного типа. Для предложения характерен номинативный строй. Порядок слов — SOV, который, впрочем, иногда может нарушаться.

Категория очевидности/неочевидности, отмеченная для удэгейского языка Е. Р. Шнейдером¹, в тунгусоязычном ареале выделялась исследователями также в нанайском языке², в некоторых эвенкийских³ и эвенских⁴ говорах.

Рассматривая связанные с указанной категорией формы удэгейского прош. I и прош. II, К. Менгес относил их к группе перфектных времен и характеризовал, соответственно, в качестве перфекта определенного и неопределенного, подчеркивая отсутствие категориальных отличий между ними⁵.

1.1. Имя

Существительные в удэгейском языке обладают развитой системой слово- и формообразования. Суффиксальные морфемы присоединяются к корневым морфемам в определенном порядке по законам агглютинации, хотя и отмечаются случаи фузионного соединения морфем. За корнем слова, который всегда стоит в начальной позиции (префиксов нет), следуют деривационные суффиксы, а за ними в своем порядке — словоизменяемые.

Имя существительное в удэгейском языке имеет категории числа (единственного и множественного), формы притяжания (личного и безличного) и падежа.

Падежная система удэгейских существительных охватывает формы простого и притяжательного склонения — лично-притяжательного и безлично-притяжательного.

Простое склонение включает восемь падежей: им., вин., дат., направ., местн., продолж., отлож., творит.

Формы личного и безличного (возвратного) притяжания связаны с личными и возвратными местоимениями (лично-притяж. ф.: *кусигэи* — «мой нож», безлично-притяж. ф.: *кусигэфэи* — «свой нож» (мн. ч. обладателей).

Различаются две формы принадлежности: отчуждаемая — *дили-ни-ни* («его голова — ему принадлежащая голова убитого зверя»), неотчуждаемая — *дили-ни* («его голова, часть его тела»).

Категория числа не является обязательной. Формы мн. ч. могут иметь только одушевленные существительные. Иногда множественность не выражается ни в имени, ни в глаголе.

1.2. Глагол

Структура глагольной словоформы в удэгейском языке может быть представлена в виде следующей последовательности морфем: основа + залог + вид + модальность + время (наклонение) + окончание (иногда показатели вида могут предшествовать показателю залога).

Глагол имеет четыре наклонения: индикатив, императив, оптатив, сослагательное наклонение.

В настоящей работе рассматриваются только формы индикатива, т. к. единственной формой, применительно к которой можно говорить о различении очевидности/неочевидности действия, является прошедшее время.

В рамках удэгейского индикатива выделяются три временных разряда: настоящего, прошедшего I и II, будущего I и II.

В удэгейском языке шесть залогов: активный (немаркированный), пассивный (-у-), медиальный (возвратный) (-нта/-нто-), реципрок (взаимный) (-маси/-моси/-мэси), кооператив (совместный) (-гди-), каузатив (-ван/-вэн-).

В работе рассматриваются только формы активного залога.

Настоящее время

Настоящее время не имеет специальных показателей, за исключением 3 л. ед. и мн. ч., в котором перед лично-предикативным окончанием появляется суфф. -й-. В зависимости от способов словоизменения в удэг. яз. глаголы делятся на два морфонологических класса: (I) с основами на гласный; (II) с основами на согласный. Основы глаголов II класса (с основами на согласный) могут включать морфемы -а- (после основ на -н-), -да-, -та- (после остальных основ), не являющиеся маркерами времени.

Парадигма спряжения глагола *уми-* «пить» в индикативе (актив)

	настоящее время	прош. I — неочевид.	прош. II — очевид.
1SG	уми-ми	уми-э-ми	уми-гэ-и
2SG	уми-и	уми-э-и	уми-гэ-и
3SG	уми-й-ни	уми-э-ни	уми-гэ
1PL	<i>уми-у</i> (экслюз. ф.)	<i>уми-э-му</i> (экслюз. ф.)	<i>уми-гэ-у</i> (экслюз. ф.)
	<i>уми-фи</i> (инклюз. ф.)	<i>уми-э-фи</i> (инклюз. ф.)	<i>уми-гэ-ти</i> (инклюз. ф.)
2PL	уми-у	уми-э-у	уми-гэ-у
3PL	уми-й-ти	уми-э-ти	уми-гэ

Прошедшее время включает в себя два ряда форм: прошедшее I и прошедшее II.

Прошедшее I образуется от основ на гласный при помощи суфф. -а-/-э-/-о- (<-ha-/-hэ-/-ho-). (Фарингальный “h”, зафиксированный Е. Р. Шнейдером в начале прошлого века, в настоящее время не различается): *этэтэ-+-хэ-+-ми* — *этэтэ: ми* — «работал (я)».

К основам на согласный присоединяется суфф. -ки-: *диган-+-ки-+-ми* — «сказал (я)».

- (1) *Би оңмо: ми би батама ситэи исэси-э-мэ-ни ути*

Я забыть-Past-1SG я мальчик-Асс. дитя *видеть-PastI-Acc-3SG* этот *кинэвэ*.

фильм-Асс.

«Я забыла, что мой сын *видел* этот фильм».

Неправильные глаголы образуют прош. I с помощью суфф. *-си-* (см. отрицательные глаголы ниже в данной статье), прош. II — суфф. *-са-*.

Показатели прошедшего II времени — суфф. *-га/-'а* (алломорфы *-ка-*) для основ на гласный и суфф. *-ка-* для основ на согласный. Эти формы выполняют в предложении только функцию финитного глагола:

- (2) *Илани бату-га-у*
Втроем *промышлять-Past. II-1PL. exclus.*
«Втроем промышляли (мы)».
- (3) *Докториду октоси-го-и*
Доктор-DAT. лечиться-Past. II-1SG.
«У доктора лечился (я)».

Отрицательные формы

Отрицательные формы глагола в удэгейском языке образуются аналитически при помощи вспомогательного отрицательного глагола *э-* («не быть, не делать»), который, находясь в препозиции к смысловому глаголу, принимает словоизменительные показатели времени, наклонения, лица/числа и функциональных форм⁶.

Примеры отрицательных конструкций с основной *са-* «знать»:

- наст. вр.: *э-йи-ми са* «(я) не знаю»
- прош. I: *э-си-ми са* «(я) не знал»
- прош. II: *э-сэ-и са* «(я) не знал»
- будущ. I: *а-та-ми са* «(я) не буду знать»
- будущ. II: *э-зэ-и са* «(я) не буду знать».

1.4. Синтаксис

Структура простого предложения характеризуется номинативной конструкцией, порядок слов — SOV.

Определение предшествует определяемому, при изменении последнего (по числам, падежам) остается неизменяемым (не согласуется с ними). Между подлежащим и сказуемым могут быть косвенное и прямое дополнения, каждому из которых может предшествовать определение. Обстоятельства времени, места чаще помещаются в самом начале предложения, перед подлежащим, в зависимости от их роли в коммуникативной структуре.

Вопросительные и побудительные предложения отличаются наличием в них вопросительных слов или частиц (побудительных), все они имеют специальную интонацию.

Сложные предложения встречаются редко. Они характеризуются бессоюзной связью (паратаксисом), простым соположением двух простых предложений, объединяющихся смысловыми и интонационными признаками.

Русским сложноподчиненным предложениям соответствуют т. н. полипредикативные конструкции (по О. П. Сунику — многочленные простые предложения с различными причастными, глагольно-именными и деепричастными оборотами).

Формы прошедшего II и будущего I могут выполнять функцию зависимого предиката в предложении, включая в свой состав падежный показатель, располагающийся между показателем времени и лично-предикативным окончанием, например:

- (4) *Ни дигаң-ки-ма-ни тэлуңусизэми*
Человек **сказать-Past. I-Acc-3SG** рассказать-FUT. I-1SG
«(Я) расскажу **рассказанное** человеком».
- (5) *Ни кяңа энимэни ва-заңа-вэ-ни игбэсиэни*
Человек изюбрь **матка-Асс. убить-FUT. II-Acc.-3SG** прогнать-PAST. I-3SG
«Матку изюбря, которую я **намереваюсь убить** (убил бы), (он) прогнал».

2. Категория эвиденциальности

Удэгейский язык — первый из тунгусо-маньчжурских языков, в котором была выделена оппозиция очевидности/неочевидности действия. Описывая образование прошедшего времени (прошедшее I и прошедшее II) в кратком грамматическом очерке, Е. Р. Шнейдер отмечает, что смысловая разница между ними «заключается в том, что прошедшее II выражает действие, которому говорящий был сам свидетелем, а форма I — действие, о котором говорящему только известно». При этом I-е л. II (очевидной) формы употребляется тогда, «когда говорящий хочет подчеркнуть факт совершения (или несомнения) им действия, в противоположность I-му л. I формы, где это подчеркивание отсутствует»⁷.

В недавно опубликованной работе И. В. Кормушин отмечает также, что «прошедшее II подчеркивает достоверность совершения действия с точки зрения субъекта речи, а прошедшее I нейтрально к этой модальности»⁸.

Таким образом, разряд прошедшего времени в удэгейском языке состоит из двух рядов, различающихся не только по семантике обозначаемых действий, но и функционально, т. е. формы прош. I (неочевидного) могут быть зависимым предикатом.

Рассмотрим формы разных лиц и чисел.

1 л. ед. ч.

Прошедшее очевидное

- (6) *Ути тэлуңу-дэ эйи биэ, би бэйэвэ-дэ исэ-’э-и.*
Это предание не есть я ее видеть-PASTII.-1SG
«Это даже не предание, я самое (очевидицу) **видел**» (Шнейдер).
- (7) *Гагдаи, дигаңка-и, айа байта’аду чалайа,*
Спутница сказать-PASTII.-1SG ладно временно соглашаться-IMP.-2SG
матафи биэ, гум.
как-нибудь будет дескать
Спутница, **сказала (я)**, ладно, на время согласись, в живых останемся»
(Шнейдер).

В следующем тексте⁹ события излагаются также от первого лица. Автор использует формы прошедшего II «очевидного» в случае, если он говорит о действиях, в которых сам непосредственно принимал участие, например:

- (8) *Ото’оси би мяусала-’а-и накта хукти: вэни.*
Затем я стрелять-PASTII.-1SG кабан скакать-PRAS.-Асс.-3SG.
«Затем **я выстрелил** в скачущего кабана».
- (9) *Хондилини мяусала-’а-и.*
Поверх него стрелять-PASTII.-1SG
«Поверх него выстрелил (я)».

Прошедшее неочевидное

В современном удэгейском языке формы прошедшего «очевидного» употребляются редко. Приведем примеры случаев, когда информант, рассказывая о себе или своем участии в каких-либо событиях, использует формы прошедшего «неочевидного» (!).

- (10) *Би исэсе-э-ми пали жу а: нта хоктоли*
Я видеть-PASTI-1SG окно (прод. п.) две женщина дорога (прод. п.)
ңэнэ-и-вэ-ти.
идти-PRAS.-Асс.-3PL
«Я увидел (я) из окна, (как) две женщины по дороге идут».
- (11) *Би оңмо-о-ми би батама ситэи исэсээмэни*
Я забыть-PASTI-1SG я сын-АСС. дитя смотреть-PAST. I-Асс.-3SG.
ути кинэвэ
тот фильм-Асс.
«Я забыл (я), (что) мой сын видел это кино (фильм)».
- (12) *Би ляси гэлэли-э-ми нуани эмэги:-вэ-ни.*
Я очень хотеть-PASTI-1SG он вернуться-PRAS.-Асс.-3SG.
«Я очень хотел (я), (чтобы) он вернулся».
- (13) *Омо догбо аңаме, хайси эйэни-э-ми.*
Один ночь ночевать-ADV. PART. опять спуститься вниз по течению-PASTII-1SG
«Одну ночь переночевав, вниз (по течению) спустился (я)» (Шнейдер).
- (14) *Би утаухи тагда-а-ми, би инаиваи мяусала-а-ни.*
Я на него сердиться-PASTII-1SG я собака-Асс.-pos. suf. стрелять-PASTII-3SG
диэлэни
из-за
«Я на него рассердился, (из-за того что) мою собаку застрелил (он)».
- (15) *Би о-о-ми унтивэ*
Я делать-PASTII-1SG унты-Асс.
«Я шила (букв. делала) унты».
- (16) *Мэиси-э-ми оно-до ңичадима адиганин жугдитиги эмэги-зэңэ-вэ-ни.*
Думать-PASTII-1SG как-то младшая дочь дом-DIR. вернуться-FUT. II-Асс.-3SG
«Думала (я), как моя младшая дочь домой вернется».

Таким образом, как видно из примеров, в 1 лице ед. и мн. ч. в прошедшем времени при передаче событий, действий, которым сам рассказчик (информант) был свидетелем, может употребляться и форма прошедшего «неочевидного».

- (17) *Тинэнэңи тэу ңуа-а-ми*
Вчера все спать-PASTI-1SG
«Вчера я целый день спала».

- (18) *Би синду **гада-а-ми** хлеба^{вэ}, Саша анчи, буала бизнес, ила*
 Я тебе **купить-PASTI-1SG** хлеб-Асс. Саша нет улица-LOC, есть ли где
бизнес, йеу гаданес
 ли что принесет ли
 «**Я** тебе **купила** хлеба. Саши нет, где — неизвестно, принесет что-
 либо — неизвестно».
- (19) *Би синду книга^{вэ} **гада-а-ми** Ути книга.*
 «**Я** тебе книгу **покупать-PASTI-1SG**. Вот книга».
- (20) *Би **исэ-э-ми** ва: мати кути мафа^{вэ}.*
Я видеть-PASTI-1SG убивать-PASTI-Асс.-3PL тигра-Асс.
 «**Я** видела, как убили тигра».
- (21) *Була-да биэ жуэзэ элэни, инэи-дэ биэ кяалани.*
 Лепешка есть стол на поверхности его собака есть поблизости
 «На столе лежит лепешка, рядом собака».
- (22) *Байхи **ңэнэ-э-ми**, авайи була анчи **одо: ни**.*
 Наружу **выйти-PASTI-1SG** этот-Асс. лепешка нет стать-PASTI-3SG
 «На улицу вышла (я), той лепешки не **стало**».
- (23) *Булавэ инэи **дига: ни** биэзэ.*
 Лепешка-Асс. собака **съест-PASTI-3SG** наверно.
 «Лепешку собака **съела**, наверно».
- (24) *Сами би була^{вэ} инэи **дига-а-ма-ни***
 Знаю я лепешка-Асс. собака **есть-PASTI-Асс.-3SG**
 «Я знаю, что лепешку **съела** собака».

В следующем примере рассказчик повествует о событиях, в которых участвовал сам. Употребляются формы как прош. очевидного, так и неочевидного.

- (25) *Биладиги **ңэнэ-‘э-и**.*
 Из Била **ехать-PASTII-1SG**.
 «Я из Била **поехал**».

Далее сразу же следует предложение, где употребляется форма прош. неочевидного:

- (26) *Нэктэ пуд’еуни чуль **ңэнэ-э-ми***
 Папоротник протока прямо **ехать-PASTI-1SG**
 «По папоротниковой протоке прямо **я поехал**».

В следующем за этим предложением используется форма прош. очевидного:

- (27) *Утадиги йантала **акки (н)-сэ-и***
 Потом высохшее русло-LOC. **пристать-PASTII-1SG**
 «Потом **я пристал** к высохшему руслу».

1 лицо мн. ч.

- (28) *Илани бату-га-у.*
Трое **промышлять-PASTII-1PL**
«Втроем *ходили промышлять (мы)*» (Шнейдер).
Пример из диалогической речи.
- (29) *Догбо и: н-га-у*
Ночь **дойти-PASTII-1PL**
«Ночью *дошли (мы)*».
- (30) *Илээ-тэнэ хаунтаси-га «Йэухи хули-сэ-у?», — гуң-кэ.*
Третий же **спросить-PASTII-3SG** куда **ходить-PAST-2PL** сказать-PASTII
«Третий же (наш товарищ) *спросил: “Куда ходили?”* — сказал».
- (31) *Бу-тэнэ гуң-кэ-у: Нээвэ ва-а-аму, гуң-кэ-у.*
Мы же **сказать-PASTII-1PL** соболю-Асс. **убить-PASTI-1PL** сказать-Р. II-1PL
«Мы же сказали: „Соболя *убили (мы)*“, сказали (мы)».
- (32) *Илэу, гуң-кэ: «Исэлэгэи буйэ».*
Третий **сказать-PASTII-3SG** **смотреть-супин** **дать-IMPERAT.-2SG**
«Третий сказал: “Посмотреть дай”».
- (33) *Бу-гэ-у*
Дать-PASTI-1PL
«*Дали (мы)*» (Шнейдер).

Интересно отметить, что в предложении (31) «Мы же сказали: „Соболя убили (мы)“», где рассказчики говорят о самих себе, т. е. в 1 лице мн. ч., употреблено не прошедшее II, как ожидалось, а прошедшее I время. Из этого следует, что различение очевидности/неочевидности не является для удэгейского языка строго обязательным на грамматическом уровне.

В том же самом рассказе¹⁰ автор, описывая далее действия, в которых сам принимал участие, использует в ряде случаев употребления формы прошедшего I (неочевидного, по Шнейдеру), например:

- (34) *Утава уза-’а-у.*
Он-Асс. **выслеживать-PASTII-1PL**
«Его *выслеживали (мы)*».
- (35) *Утадиги нуа адуркава тулэ-э-ни.*
Затем он сетка-Асс. **поставить-PASTI-3SG**
«Затем он сетку *поставил*».

В первом предложении глагол выражен формой прошедшего «очевидного», во втором предложении — формой прошедшего «неочевидного».

2 лицо ед. ч. Прошедшее неочевидное

При передаче реакции товарища по охоте на описываемые события используются формы прошедшего I «неочевидного».

- (36) *Йеду уйа-а-и, йеду уйа-а-и!*
Зачем **промахнуться**-PASTI-2SG
«Зачем *промахнулся* (ты), зачем *промахнулся* (ты)!»

Данная цитата обращена к рассказчику, который далее, описывая свои действия, использует формы прошедшего II, т. е. «очевидного»:

- (38) *Утадиги би мяусала-’а-и*
Затем я **стрелять**-PASTII-1SG
«Затем я **выстрелил**».
- (39) *Амя бэгдивэни буктайи мяусала-’а-и*
Зад нога-Асс.-рос. suf. сломав **стрелять**-PASTII-1SG
«**Выстрелил** (я) и перебил заднюю ногу».
- (40) *Гагдаи-тэнэ сугалаи асукта-’а.*
Спутник же мой лыжи свои **снять**-PASTII-3SG
«Мой спутник **снял** свои лыжи».

Пример из сказки. Повествование ведется в прошедшем I, «неочевидном».

- (41) *Натиги нюги-э-ни.*
Земля-DIRECT. выйти-PASTI-3SG
«На землю сошел (он)».
- (42) *залитиги и: -э-ни*
Амбар-DIRECT. войти-PASTI-3SG
«В амбар вошел (он)»

Далее следует диалог. Вопрос, обращенный к герою, содержит формы «неочевидного», ответ — в форме прош. «очевидного»:

- (43) Бата, эмэ-э-и йеу?
Мальчик вернуться-PASTI-2SG- что ли?
«Мальчик, ты вернулся, что ли?»
- (44) *Хауле и: ң-ка-и*
Кое-как **достичь**-PASTII-1SG
«Кое-как **добрался**».

Как правило, вопрос в диалоге содержит форму «неочевидного», а ответ форму «очевидного» времени:

- (45) *Бими, Батаини сизамп ’эи доңожи илактиңа-а-ни*
Будучи Батаини заросли кустарника изнутри **появиться**-PASTI-3SG
«Спустя некоторое время Батаини **вышел** из зарослей кустарника».
- (46) *-Эмэги-э-у йеу?*
Вернуться-PASTI-2PL что ли?
«Вернулись, что ли?»

- (47) *-Эмэ-гэ-у, Батаини гуң-ки-ни.*
Вернуться-PASTII-1PL Батаини сказать-PASTI-3SG
 «Вернулись,— Батаини сказал».
- (48) *Бу-кэ зуава дэвэни ба-’а-у.*
 Мы же приток-Асс. исток-Асс. найти-PASTII-1PL
 «Мы же исток притока **нашли**».
- Отрывок из фольклорного текста
- (49) *Уз’а ‘аини нактани ункел’аси, си-э-ни.*
 Узя ст. брат его кабан-ros. suf. приволочь-дееприч. свежевать-PASTI-3SG
 «Узи старший брат, своего кабана приволочив, освеживал».
- (50) *зугдилэи ийиги-э-ни.*
 Дом-Лос. дойти-PASTI-3SG
 «До дома **дошел**».
- (51) *Нэңуни-тэнэ:*
 Младший же:
Йелэ ва-а-и, йелэ ва: и, гуң-ки-ни.
 Где убить-PASTI-2SG сказать-PASTI-3SG
 «Где **убил (ты)**, где **убил (ты)**, сказал».
- (52) *Йелэ вазами, буа хуэндилэни ва-а-ми.*
 Где убить-FUT. I-1SG тайга-Лос. убить-PASTI-1SG
 «Где **убью, в тайге убил (я)!**».
- Прошедшее очевидное**
- (53) *βэнэйсити сэлэгэси соңо-го-и*
 Идти-разновр. действ. просыпаться-дееприч. **плакать-inch-PASTII-2SG**
«Эниңэи, эниңэ», утэли си омо сэ бисэи.
 мама, мама тогда ты один год быть-PASTI-2SG
 «Когда они ушли, **ты**, проснувшись, **заплакал**: „Мама, мама“. Тогда тебе один год был».
- 3 лицо ед. и мн. ч.**
Прошедшее неочевидное
 Рассказывая о действиях своего спутника, автор опять-таки употребляет формы прошедшего «неочевидного»:
- (54) *Кэтигэ уйа-а-ни ути.*
 Едва **промахнуться-PASTI-3SG** он
 «Едва **не промахнулся** он».
- (55) *Кеамикталани нагда-а-ни.*
 Висок-Лос.-его попасть-PASTI-3SG
 «В висок **попал (он)**».

Прошедшее очевидное

- (56) *Эсини чала. Йунгулэ ва-‘а.*

Не согласилась сразу **убить**-PASTII-3PL

«Не согласилась (она). Сразу **убили** (*они*)» (Шнейдер).

В этом предложении, как и в предыдущем, рассказчица повествует о событиях, свидетелем которых она была сама.

Представляется интересным следующее наблюдение.

- (57) *Мечина будэ-э-ни тамати.*

Мечина умереть-PASTI-3SG прошлый год

«Мечина **умер** в прошлом году».

Рассказчица присутствовала при этих событиях, хорошо лично знала всю ситуацию, но в сообщении об этом употребила форму «неочевидного» времени.

Для сравнения: в татарском языке, где в составе индикатива выделяются прошедшее определенное (форма на *-ды, -де/-ты, -те*) и прошедшее неопределенное (форма на *-ган, -гэн/-кан, -кан*) в случае, если говорящий наблюдал передаваемый факт как очевидец или сам участвовал в описываемом событии, употребляется только форма прошедшего определенного или же «прошедшее категорическое», т. е. «как бы исключающее всякую субъективную трактовку вопроса о реальности действия»¹¹.

Приведем примеры употребления форм прошедшего I «неочевидного» (маркируются суфф. *-(h) a/- (h) o/- (h) э-*). Повторим, что по Е. Р. Шнейдеру они обозначают действия в прошлом, которым говорящий не был свидетелем, или о которых ему известно с чужих слов¹².

- (58) *Анана, хайси омоти тэлугу -дэ омо синез, омо байта, ту багде-э-ти.*

«Прежде опять же ведь (букв. и опять одинаково) и общий траур (справляли), и общее судебное дело (имели), так **жили** (*они*)» (Шнейдер).

Из контекста ясно, что события имели место в очень давний период, излагаются с чужих слов.

- (59) *Утадиги биме, биме-дэ, мэнэ-мэнэ **дэктэлиэти** (дэктэли-э-ти).*

«Затем жили, жили (так живя), **начали отделяться** друг от друга (точнее: каждый сам по себе)» (Шнейдер).

Данное предложение из того же рассказа, что и предыдущее. Передается информация с чужих слов, описываются события, последовательно разворачивавшиеся в прошлом.

- (60) *Нада зала нини одойдини сэнгитэвэ **олиэти** (оли-э-ти).*

«Седьмое поколение (когда) появилось, браки заключать **стали** (букв. родственниками становиться, делаться начали)» (Шнейдер).

Это продолжение описания событий в прошлом. Вот и пример из другого рассказа.

- (61) *Ни дигаңкимани тэлунусизэми.*

«Человеком рассказанное расскажу».

- (62) *Ути тэлугу-дэ эйи биз, би бэйэвэдэ **исэ’эи** (исэ-’э-и).*

«Это не предание же, я самое (очевидицу) **видел**».

(63) *Ситэвэ, атигава, нинтава тэу-дэ ва: ти (ва-а-ти)...*

«Детей, женщин, мужчин — всех убили...».

(64) *Утадиги билиэти (били-э-ти) утаду.*

«Затем начали жить там».

Контекст свидетельствует о том, что рассказчик не является очевидцем происходивших, описываемых событий, повествование ведется с чужих слов. Везде употребляется форма прошедшего I времени, «неочевидного».

Таким образом, эти и вышеприведенные примеры убеждают в том, что значение комментативности составляет существенную сторону в семантике рассматриваемых форм.

В тех случаях, когда рассказчик, автор подчеркивает характер личного участия в излагаемых событиях, ручается за их достоверность, употребляется форма прошедшего времени II.

Формы прошедшего «неочевидного» времени в удэгейском языке широко применяются при изложении фольклорного материала, при описании последовательно развивающихся событий. Частотность их употребления в современном языке намного выше по сравнению с формами прошедшего «очевидного».

Отмеченные исследователями случаи различия очевидности в других тунгусо-маньчжурских языках не всегда позволяют судить о характере грамматикализации соответствующих форм. Поскольку категория эвиденциальности была выделена Е. Р. Шнейдером в кратком грамматическом очерке удэгейского языка и подробно еще не исследовалась, нам представляется целесообразным представить здесь этот сравнительный фон. Учитывая, что тунгусо-маньчжурские языки объединяются с монгольскими и тюркскими (в которых эвиденциальность последовательно представлена и описана) в алтайскую языковую семью, мы сочли нужным наметить здесь и этот «алтаистический» контекст.

Эвиденциальные формы отмечаются в некоторых говорах эвенкийского языка¹³. Так, в томмотском говоре, испытывавшем влияние якутского языка, для прошедшего времени устанавливаются две формы: с суфф. -ча-/-чэ-/-чо-) и суфф. -ра:.

Суфф. -ча:- маркирует глаголы, обозначающие действие, которому говорящий не был свидетелем. Характерно, что в 1 л. глаголы на -ча:- не употребляются:

- си: эмэ-чэ:-с «ты пришел»; нунан эмэ-чэ:-н «он пришел»; су: эмэ-чэ:-хун «вы пришли»;
- нунартин эмэ-чэ:-тин «они пришли».

Суфф. -ри:- присоединяется к глаголам, обозначающим действие, происшедшее в присутствии говорящего. Они употребляются во всех трех лицах:

- би: эмэ-ри:-в «я пришел»; си эмэ-ри:-с «ты пришел»; нунан эмэ-ри:-н «он пришел»;
- бу: эмэ-ри:-вун «мы (инклюз.) пришли»; мит эмэ-ри:-т «мы (эксклюз.) пришли»;
- су: эмэ-ри:-хун «вы пришли»; нунартин эмэ:-ри:-тин «они пришли».

Форма на ри:- характерна также для соседних учурско-зейских и чульманско-гилюйских говоров.

Кроме того, в этом же говоре выделяются т. н. «формы предположения», к которым, в частности, относятся глаголы с суфф. -рка-/ркэ-/рко-, употребляющиеся с частицей -гу: «ли», «или». При этом они выражают неуверенность в факте совершения действия, или сомнение в том, какое из них имело место в прошлом, и не имеют окончаний в 3 л. обоих чисел. Примеры.

Тар бэйэвэ ичэ-ркэ-в-гу, э-ркэ-в-гу: — омхочо: бихим
«Того человека видел ли (я), не видел ли (я) — забыл».

Эти же формы на -рка- выделяют в качестве эвиденциальных Н. Я. Булатова и Л. Гренобль, но при этом никакого анализа материала не проводят¹⁴.

В учурском говоре¹⁵ отмечается форма выражения предположения, сомнения, неуверенности, образующаяся при помощи суфф. -рка-/ркэ-/рко-. Как правило, к ним присоединяется частица -гу-(-ку-):

Ухиник эхэнми бара: ра: гарпача: в, **ба: ркав-гу:, еркав-гу:**, эхим са: ра
«Сверху в медведя я стрелял много раз, **убил** или **не убил**, не знаю».

Умун-мул ма: та: **биркэ-гу:**
«Один хоть человек **был ли?**».

Что касается алтайских языков, Г. И. Рамstedт отмечает параллель для южно-тунгусского суфф. причастия прошедшего времени -ха-, -хан- (в нанайском, ульчском и включенном сюда же Г. И. Рамstedтом негидальском, в то время как удэгейский не отмечен), а также -ха- в маньчжурском языке тюркской формы на -ган. По его мнению, суфф. -ган представляет собой «составную форму из -га-, с помощью которого образуется вторичная глагольная основа, и -н¹⁶».

Г. И. Рамstedт отмечает продуктивность этой формы суфф. только для южно-тунгусских языков, в которых «прошедшее время... мы встречаем либо в функции причастия, либо сказуемого»¹⁷.

Соответствие маньчжурских суффиксов прошедшего времени причастий -ха-, -ча- (тунгусского, т. е. эвенкийского -ча) тюркскому -ган отмечает Котвич¹⁸.

Н. А. Баскаков, рассматривающий причастие в алтайских языках как «наиболее активную функциональную форму глагола, обладающую категориями модальности и времени и выступающую в функции всех членов предложения и словосочетания для всех форм *verbum finitum*», считает, что один и тот же суффикс встречается в тюркских (-γan-, -qan-, -jan-), монгольском (-γan-), тунгусо-маньчжурских языках (-han-, -хан-, -ha-, -qa-)¹⁹.

Известно, что в тюркских языках устанавливается совмещение двух значений («перфективности» и «неочевидности») в категориальной семантике неочевидных форм, определяемых как «прошедшее неопределенное» или прошедшее II²⁰.

Модальным признаком формы на -ган в киргизском, южно-сибирских, кыпчакских, карлукских, центральноазиатских тюркских, туркменском, частично в гагаузском и чувашском является значение очевидности/неочевидности²¹.

В некоторых тюркских языках у формы на -ган встречается значение определенности: алтайском, хакасском диалектах, кызыльском, шорском, тувинском, средне-чулымском диалекте чулымского языка, в каракалпакском, уйгурском, а также чувашском.

Интересно отметить, что оппозиция очевидности/неочевидности выделяется не только в тюркских языках, но и в ряде финно-угорских языков бассейна Волги и Камы.

Согласно выводам Б. А. Серебренникова, во всех этих языках (а также тюркских — татарском, чувашском) случаи употребления прошедшего очевидного и неочевидного определены довольно четко, за исключением чувашского.

В марийском языке, например, критерий очевидности/неочевидности в ряде случаев не выдерживается. Иногда, «когда говорящий является непосредственным свидетелем длительного и многократного действия, оно обычно выражается прошедшим неочевидным, а действие однократное или совершенное — прошедшим очевидным»²².

Что касается грамматической отнесенности форм прошедшего времени в удэгейском языке, то традиционно считается, что формы прошедшего II «очевидного» являются собственно глагольными (на синхронном уровне), т. е. в предложении выполняют функции финитного глагола.

Формы прошедшего I «неочевидного», несмотря на их «прозрачное» причастное происхождение и способность выступать в качестве зависимого предиката, в предложении включаются в состав индикатива, т. к., присоединяя лично-предикативные окончания, выполняют функцию финитных форм в предложении²³.

Если в некоторых тюркских языках, например, в тувинском, форма на -ган может иметь грамматическое значение давно прошедшего времени, то для удэгейского языка такая дифференцированная специализация форм I и II прошедшего не характерна. Приведем пример, когда в одном и том же тексте эти формы соседствуют:

- (41) *Тамня.*
«Туман».
Сим-сим биэ.
«Тихо».
Сэл-сэл сиэнэлигэ (сиэнэли-гэ — прош. II очевид.).
«Чуть-чуть ветерок начал дуть».
Сагды вэ: зиэни то:-бэдэ зэгдэлигэ (зэгдэли-гэ — прош. II очевид.).
«Большая гора, хребет (ее) как огонь гореть начал».
Уты су: закпа: ни (закпа-а-ни — прош. I неочевид.).
«Это солнце взошло» (Шнейдер).

Еще пример: рассказчица, говоря о событиях давно минувших дней, употребляет прошедшее I неочевидное, что объясняется, надо полагать, пересказом с чужих слов:

- (42) *Би мафаи абугани*
«Отец моего мужа».
Маңгала бисини ути.
«Плохо жил он».
Куты-гдада инэивэни ва: ни (ва-а-ни — прош. I неочевид.).
«Тигр собаку (его) убил».

Или же:

- (43) *Би анана ляси соңоми* (соно-һо-ми — прош. I — неочевид.).
«Я раньше много плакала». Рассказывается о событиях большой давности, о себе лично, но употреблено прошедшее неочевидное время.

Таким образом, рассмотрев случаи употребления форм эвиденциальности в удэгейском языке, можно сделать следующие выводы.

В удэгейском языке в рамках индикатива выделяются два ряда форм прошедшего времени — I и II. Эти формы не противопоставляются по локализованности обозначаемых действий в прошлом. Модальное значение рассмотренных форм характеризуется очевидностью/неочевидностью происходящих действий с точки зрения говорящего. При этом выражение эвиденциальности не имеет строго обязательного характера. Зачастую при передаче событий, свидетелем которых был сам рассказчик, или произошедших с ним самим, употребляется время, называемое «неочевидным». Можно с уверенностью утверждать только то, что в случае употребления формы «очевидного» времени говорящий подчеркивает факт личного участия в описываемых событиях.

На основе рассмотренных примеров предварительно можно заключить, что в тех случаях, когда категория очевидности маркирована, она тесно связана с агентивностью действия, а неочевидность, в свою очередь, коррелирует с неагентивностью. В повествовании, как правило, представлены формы неочевидности, независимо от того, от какого лица ведется рассказ. В диалоге рассматриваемая оппозиция прослеживается несколько отчетливее.

Рассмотренные нами алтайские параллели позволяют считать, что в удэгейском языке (как и в ряде эвенкийских и нанайских говоров) категория эвиденциальности является скорее реликтовой, чем инновационной особенностью. Показательное в этом отношении материальное сходство суффикса эвиденциальности в удэгейском языке (-a/-o/-э- < *-ha-/-h«-/-ho-, ср. эвенк. -ча-, нан. -хан-) и в тюркских и монгольских (соответственно -ган- и -γан-) также не случайно.

¹ Шнейдер Е. Р. Краткий удэско-русский словарь (с приложением грамматического очерка). М.; Л., 1936. С. 118. Далее в тексте статьи примеры, отмеченные указанием фамилии Шнейдер в скобках, приводятся по работе: Шнейдер Е. Р. Материалы по языку анюйских удэ. Л., 1937.

² Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941. С. 77.

³ Мыреева А. Н. Очерк томмотского говора // Очерки токкинского и томмотского говоров. М.; Л., 1962. С. 75; Мыреева А. Н. Очерк говора учурских эвенков // Очерки говоров учурского, майского и тоттинского говоров. М.; Л., 1964. С. 6–66.

⁴ Роббек В. А. Грамматические категории эвенского глагола. СПб., 1992. С. 39.

⁵ Menges K. H. Zur Verbal-Morphologie des Nanaï // Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden, 1964.

⁶ Подробнее см.: Аткин В. Д., Гирфанова А. Х. Отрицательные формы глагола в удэгейском языке (в сравнении с другими тунгусо-маньчжурскими языками) // Лингвистические исследования. Грамматические категории в разнотипных языках. М., 1985. С. 11–18.

⁷ Шнейдер Е. Р. Краткий удэско-русский словарь (с приложением грамматического очерка). М.; Л., 1936. С. 118–119.

⁸ Кормушин И. В. Удэгейский (удэгейский) язык. М., 1998. С. 95.

⁹ Шнейдер Е. Р. Материалы по языку анюйских удэ. Л., 1937. С. 49.

¹⁰ Шнейдер Е. Р. Материалы по языку анюйских удэ. Л., 1937. С. 47–48.

¹¹ Газизов Р. С. Сопоставительная грамматика татарского и русского языков. Казань, 1977. С. 125.

¹² Шнейдер Е. Р. Краткий удэско-русский словарь (с приложением грамматического очерка). М.; Л., 1936. С. 118.

¹³ Мыреева А. Н. Очерк томмотского говора // Очерки токкинского и том-мотского говоров. М.; Л., 1962. С. 75.

¹⁴ Bulatova N., Grenoble L. Evenki. München, 1999. S. 8.

¹⁵ Мыреева А. Н. Очерк говора учурских эвенков // Очерки говоров учурско-го, майского и тоттинского говоров. М.; Л., 1964. С. 6–66.

¹⁶ Рамstedt Г. И. Введение в алтайское языкознание / пер. с нем. М., 1957. С. 134.

¹⁷ Рамstedt Г. И. Введение в алтайское языкознание / пер. с нем. М., 1957. С. 135.

¹⁸ Котвич В. Исследования по алтайским языкам / пер. с польского. М., 1962. С. 229.

¹⁹ Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981. С. 71, 74.

²⁰ Серебренников Б. А. Система времен татарского глагола. Казань, 1963. С. 17.

²¹ Джусупакмадов У. Отношение киргизского языка к сибирским тюркским языкам (на материале форм прошедшего времени глагола): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 9.

²² Серебренников Б. А. О видовых значениях прошедшего очевидного и неочевидного времен в лугово-восточном марийском языке // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1952. № 2. С. 94.

²³ Подробнее см.: Гирфанова А. Х. Индикативные формы глагола в удэгейском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1988.